

Аналитический обзор итогов массового опроса об отношении населения регионов Российской Федерации к адаптации и интеграции мигрантов

В данном аналитическом обзоре представлены результаты массового опроса населения 2,1 тыс. респондентов в возрасте 18 лет и старше об их отношении к адаптации и интеграции мигрантов. Опрос проведен по 7 запланированным массивам в 6 регионах на втором этапе реализации проекта №18-1-002116, в том числе:

- Регион проекта 1. Массовый опрос населения в Мордовии
- Регион проекта 2. Массовый опрос населения в Москве (подвыборки 1 и 2)
- Регион проекта 3. Массовый опрос населения Подмоскovie (подвыборка 3)
- Регион проекта 4. Массовый опрос населения в Пермском крае
- Регион проекта 5. Массовый опрос населения в Саратовской области
- Регион проекта 6. Массовый опрос населения в Тульской области

Намеренно опрашивалось преимущественно городское население (более 90%), а сельские респонденты опрошены в предместьях крупных городов (предместьями называем территории, откуда жители могут совершать ежедневные поездки в крупный город на работу и по бытовым надобностям). Таким образом, имеем мнение людей, в наибольшей мере осведомленных о присутствии трудовых мигрантов в своем регионе. Опрошены все основные группы по полу и возрасту. Из числа потенциальных респондентов только пятая часть отказалась от участия, причем, если отказывались, то в основном до ознакомления с темой опроса (ссылались на то, что вообще не участвуют в опросах или у них нет возможности отвечать в данный момент).

Согласно установленным квотам, в каждом регионе опрошено по 300 респондентов (в Москве 600). В соответствии с демографической структурой фактического населения опрошено лиц в возрасте 18-29 лет – 19%, в возрасте 30-59 лет – 55%, в возрасте 60 лет и старше – 26%. Каждая возрастная группа имеет адекватное реальному населению названных регионов соотношение респондентов по полу. Прочие характеристики не кво-тировались.

По итогам опроса полученный массив опрошенных имеет сходный с генеральной совокупностью социально-демографические параметры по уровню образования, занятости, длительности проживания в регионе, а также по этническому составу.

Поскольку тема миграции является далеко не всегда привлекательной для респондентов, для повышения мотивации к участию, интервьюирование начиналось с информирования опрашиваемых о будущей всероссийской переписи населения, которая состоится в 2020 году и впервые будет реализована через интернет. Выявлялось мнение опрашиваемых, следует или не следует во время государственной переписи собирать сведения о культурном разнообразии населения миграции. Опрос показал, что большинство опрошенных не только согласны с необходимостью сбора такой информации, но и заинтересованы в ней. Нам было важно выяснить общественную значимость культурных различий, поскольку «проблема» таких различий все чаще обсуждается в России в связи с миграционной политикой в зарубежной Европе, где тема «ценностей» и «различий» стала чуть ли не базовой при обсуждении рисков миграционных конфликтов.

В настоящем исследовании практически все респонденты, за исключением 5%, указали при опросе свою национальность, понимая под этим термином именно этническую принадлежность. Несмотря на научные споры, следует ли отказать термину «национальный» в значении «этнический» и перейти на западноевропейское понимание «национального» в значении «гражданский», население России, в том числе в обследованных в рамках данного проекта регионах, легко и без всякой путаницы воспринимают термин «на-

циональный» в двух значениях в зависимости от контекста. На вопрос, что для них в общем смысле означает «национальность», 75% сказали, что это не гражданство, а принадлежность к народу. А те 20%, кто ответил «по-европейски» (национальность – это гражданство), без проблем справились с ответом на вопрос «к какой национальности себя относите», указав именно этническую принадлежность.

Поскольку, согласно российскому законодательству, респонденты были предупреждены о том, что могут отвечать или не отвечать на вопрос о национальности, но 95% захотели это сделать и дали подробный ответ (анкета не содержала каких-либо заготовленных вариантов ответов о национальности), следует признать, что для большинства опрошенных тема национальной принадлежности не является острой и чувствительной (резких суждений практически не было). Месте с тем, массовость и подробность добровольных ответов свидетельствует о том, что сама по себе этническая принадлежность является для большинства опрошенных значимым средством самооценки. В повседневной жизни люди не придают существенного значения этническим различиям, но в социологической анкете и персонализированных ответах во время государственной переписи охотно рассуждают о своей этнической принадлежности. Это означает, что представления об этнических различиях не являются темой конфликтных разногласий.

В этом отношении Россия отличается от многих стран Запада, где сообщать о своей этнической принадлежности зачастую не только не принято, но это является чем-то предосудительным. В Скандинавских странах данная «традиция» возникла еще в 1970-е гг., в других европейских государствах – на десятки лет позднее. И, хотя политики и некоторые ученые этих стран стремятся объяснить подобные нормы требованиями политкорректности, принципами демократии и невмешательства в частную жизнь, поводами фактического «запрета» на этническую идентичность являются исторические прецеденты массовых гонений по национальным, расовым, языковым и религиозным признакам. В странах Западной Европы, по причине дефицита сведений об этнической идентичности населения, затруднительно заблаговременно выявлять общественные конфликты, возникающие на почве культурных различий, мало возможности достоверно оценить, проявляется ли этническая (и иная культурная) идентичность в результате культурного развития или как продукт напряженных межгрупповых отношений, в частности, отношений в среде местного и пришлого населения. Отсутствие необходимой информации и подавление культурных различий приводит к обратному эффекту – переносу вопросов культурной специфики из частной и житейской сферы в плоскость политическую. Это позволяет политическим партиям правого толка, использующим популистские и националистические лозунги, получать все больше голосов избирателей. Такие партии намереваются создать в Европарламенте (выборы в мае 2019 г.) самую крупную коалицию (фракцию) на основе идей сохранения культуры «перед лицом миграционной опасности», заявляя, что это будет объединение «стран и народов» (т.е. коалиция не только государств-наций, но и этнических групп европейцев). Примечательно, что к объединению стремятся правые и популистские партии из Италии, Франции, Швеции, Нидерландов, Германии – как раз из тех государств, где обсуждение этнической принадлежности называют неполиткорректным.

В нашем исследовании, учитывая состав регионов проекта, из ответов респондентов получена сходная с данными переписи 2010 г. картина, согласно которой 87,2% составляют русские (а с учетом двойственной идентичности, 89%), среди прочих групп заметны мордва – 2,9% (при заявленной двойственной идентичности – 3,7%), татары – 1,6% (вместе с двойственными ответами – 2,4%), украинцы – 0,9% (вместе с двойственными ответами – 2,1%), остальные респонденты включали армян, евреев, белорусов и др. Двойственную идентичность назвали 9% опрошенных из числа указавших национальность, при этом наиболее распространенными являются варианты «русские и украинцы» - 1,6%, «русские и мордва» - 1,2%, «русские и татары» - 1%. Были также варианты «русские и белорусы» - 0,6%, «русские и евреи» - 0,6%, «русские и армяне» - 0,4 и иные вариации.

Исследование показало, что этническая идентичность не является «помехой» для идентичности гражданской. Обе идентичности не «вытесняют» друг друга, а сосуществуют между собой. При этом идентичность этническая занимает более приватную (персонализированную) часть самоидентификации респондента, а идентичность гражданская – его внешнюю, публичную сторону. В данном исследовании каждому респонденту был задан вопрос о предпочтениях, как бы ему хотелось, чтобы его воспринимали окружающие, – как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона. Можно было дать несколько ответов, в том числе, предложить собственный вариант. Большинство опрошенных предпочли, чтобы окружающие видели в них, прежде всего, граждан страны – 79%, а из них почти пятая часть параллельно указала этническую или региональную принадлежность.

Таблица 1. Сочетание гражданской, этнической и региональной идентичности респондентов в регионах проекта (учитывались единичные и множественные ответы)

В публичном пространстве склонны идентифицировать себя:...	В % от опрошенных	Москва	Московская обл.	Тульская (Тула и предместья)	Пермский (Пермь и предместья)	Мордовия (Саранск и предместья)	Саратовская (Балаково и предместья)
1). Как гражданина страны	78,6	80,7	74,7	82,7	76,7	76,0	78,7
2). Как представителя отдельной национальности	16,0	15,2	18,7	17,7	9,0	21,3	15,0
3). Как жителя определенного региона	13,0	17,3	8,0	16,3	10,0	9,3	12,3
4). Другой ответ	4,0	5,2	6,0	3,3	3,7	3,3	1,3
5). Затруднились ответить	6,2	3,7	4,0	2,3	9,0	10,3	10,3

В среде российских экспертов и управленцев распространено мнение о том, что общероссийская гражданская идентичность является лишь «прикрытием» для национальных групп. Высказывают также мнение, дескать, этнические русские зачастую не склонны иметь гражданскую идентичность, тем самым, якобы утверждая свое «главенствующее» положение в стране. Обе точки зрения не подкрепляются социологическими фактами. В действительности среди приверженцев гражданской публичной идентичности этнические русские составляют наибольшую долю – 91% в нашем массиве опроса, а среди лиц, указавших сугубо этническую идентичность, доля русских заметно меньшая – 81%. Это характерно и для категорий опрошенных, различающихся по возрасту, полу и длительности проживания в месте опроса.

Таким образом, в сфере общественных отношений, в том числе отношений в миграционной сфере, у респондентов более выражена гражданская идентичность. А для менее формального самоощущения те же респонденты используют этническую идентификацию, которая является важным компонентом социального самочувствия. Данный факт, в целях предупреждения миграционных конфликтов, необходимо учитывать при анализе процессов общественного восприятия ситуации с мигрантами и миграцией и анализе общественных представлений о понятиях «местный», «приезжий». Массовые представления о формальных отличиях «свой» и «чужой» строятся не по принципу этнических и даже не по принципу языковых различий, а исходя из склонности и возможностей приезжих причислять себя к России. На вопрос, адресованный местным жителям в регионах исследования, при каких условиях они могли бы воспринимать иностранца россиянином, менее четверти ограничилась указанием на необходимость получения гражданства, тогда как почти половина опрошенных добавила, что приезжий должен много лет прожить в России, и почти две трети выдвинули требование, что приезжий, вне зависимости от своего языка, должен хорошо знать русский язык.

Наше исследование развенчивает миф о повышенной конфликтности в адрес мигрантов со стороны молодежи. В силу возрастных особенностей, молодые люди могут проявлять импульсивность и вовлекаться в конфликтные ситуации, но социальную базу напряженности составляют не они, а в первую очередь лица среднего возраста, как более многочисленная часть населения (в анализируемых регионах – более половины населения, а в

целом по стране – 44%). Именно эта категория активно участвует в экономике и управлении, она более подвержена конкуренции на рынке труда. Именно эти люди играют ключевую роль в собственном материальном обеспечении, поддержании своих семей и родственников. Такой исследовательский результат осложняет поиск решения задач по достижению устойчивого гражданского согласия. Если с молодежной аудиторией можно работать через школы и вузы и через молодежные тематические площадки, то в адрес населения среднего возраста, имеющего к тому же устоявшееся мнение и стереотипы, очень трудно разрабатывать какие-то единые программы, будь то программы информационные, просветительские, обучающие. Скорее, в отношении лиц среднего возраста могут быть использованы государственно-общественные ресурсы социальной направленности, программы в сфере занятости и досуга, а также, как показывает российский опыт последних нескольких лет, каналом позитивного общественного воздействия может быть развитие волонтерского и наставнического движения. И, конечно, следует уделять особое внимание средствам массовой информации. Население опрошенных регионов полагает, что получает из общедоступных информационных источников, включая интернет, больше негативных сведений о мигрантах, в первую очередь, это сообщения о криминале, чем о культуре. При этом респонденты в молодежной среде говорят об информационном негативе в адрес мигрантов в 60% случаев, а лица среднего возраста – в 66% случаев.

Таблица 2. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов разного возраста и приоритета гражданской, этнической и региональной идентичности в регионах проекта

	В % от опрошенных	молодежь 18-29 лет	средний возраст 30-59 лет	Из числа респондентов, у которых приоритетной является идентичность:		
				гражданская	региональная	этническая
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	15,8	11,9	18,0	14,7	16,6	22,1
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	24,0	9,0	29,1	21,9	25,7	38,0
Поддержали бы пикеты против мигрантов	13,5	8,7	15,7	13,1	14,9	20,2
Против интеграции мигрантов	23,4	21,4	23,0	22,1	31,7	30,2
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	43,3	38,6	44,4	43,9	45,5	55,0
<i>[Для справки]</i> Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	7,9	8,5	9,1	4,9	14,9	31,0

Исследование выявило, что уровень бесконфликтных миграционных отношений в значительной мере зависит не только от возраста, но и от распространенности гражданской идентичности. Респонденты с приоритетом гражданской идентичности высказываются реже о том, что деятельность мигрантов отрицательно сказывается на них самих и вообще на местных жителях – таких мнений 15%. У респондентов, отрицающих гражданскую идентичность, уровень неприятия мигрантов выше. Те из них, кто настаивает, что его публичная идентичность только региональная, имеют отрицательные суждения о мигрантах в 17% случаев, а у респондентов, указавших исключительно этническую идентичность, это мнение распространено в 22% случаях. Из числа первых не хотели бы обучения своих детей с мигрантами 22%, из состава вторых – 26%, а среди последних – 38%. Из числа первых допускают участие в пикетах и акциях против мигрантов – 13%, из состава вторых – 15%, а среди последних – 20%. В связи с этим опять следует указать на пагубный западноевропейский пример политики умаления и игнорирования культурного многообразия, которая порождает ответную волну национализма и конфликтности (возросшая во многих странах зарубежной Европы активность политических сил правого толка, их поддержка со стороны избирателей, участвовавшие массовые выступления против мигрантов и миграционной политики властей, провокации со стрельбой, поджогами и иными противоправными действиями).

Не удивительно, что по совокупности различных показателей, российские респонденты с гражданской идентичностью более позитивно относятся к идее интеграции мигрантов и в большей мере готовы со своей стороны предпринимать действия на пути к взаимной интеграции. Среди них относительно меньшая доля отрицает необходимость интеграции мигрантов – 22%, и относительно меньше не желающих самим что-то предпринимать для сближения с мигрантами – 44%. Респонденты, отрицающие гражданскую идентичность, имеют более резкие показатели негативного отношения: среди настаивающих только на региональной идентичности не желают интеграции мигрантов и не хотят помогать этому процессу 32% и 46%, а среди респондентов с сугубо этнической идентичностью таких 30% и 55%.

Более того, выяснилось, что респонденты, настаивающие на публичности своей этнической идентичности, имеют заметный уровень неудовлетворенности в языковой сфере. При том, что 28% из их числа используют в семейном быту помимо русского языка также и другой язык, но 18% заявляют, что не могут шире пользоваться родным языком из-за того, что окружающие не знают этого языка, а 5,4% сообщают, что стесняются публично общаться на своем языке. Выяснилось также, что худшее отношение к мигрантам высказывают те, кто сам подвергался дискриминации из-за культурных различий. Среди лиц с сугубо этнической идентичностью заявили, что подвергались дискриминации 32% (в т.ч. в 17% случаев заявили о дискриминации в свой адрес по признаку национальности, в 13% случаев – из-за языка, в 5% - из-за религии) – это в два раза больше, нежели у лиц с региональной идентичностью и в шесть раз больше, чем у респондентов, имеющих гражданскую идентичность. У данной категории опрошенных обнаруживается общий мотив отношения к мигрантам: «Почему мы должны приспосабливаться к чужакам, если наша собственная культура и язык, отличающиеся от окружающих, игнорируются в нашей стране».

Таблица 3. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов разного уровня материальной обеспеченности

	Материальное положение респондента за последний год:	
	хорошее и нормальное	затруднительное и тяжелое
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	13,2	19,5
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	20,2	29,4
Поддержали бы пикеты против мигрантов	11,6	16,2
Против интеграции мигрантов	23,1	23,7
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	42,5	44,5
[Для справки] Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	6,6	9,8

Исследование выявило зависимость мнения о мигрантах от уровня социального самочувствия местного населения. Респонденты, позитивно оценивающие собственное материальное благосостояние, лучше относятся к мигрантам и легче приемлют идею интеграции, нежели те респонденты, кто негативно оценивает собственное благосостояние. Однако указанная зависимость проявляется не столь ярко в сравнении с влиянием на отношение к мигрантам фактора гражданской и этнической идентичности местного населения. Также следует обратить внимание и на тот факт, что количество респондентов, выразивших недовольство мигрантами по личным причинам, связанным с собственными возможностями трудоустройства, заработка, лечения и прочим, заметно меньше, чем тех, кто настроен против интеграции мигрантов и против шагов навстречу в виде принятия каких-то позитивных сведений о мигрантах и элементов их культуры. То есть какого-то материального ущерба от мигрантов многие опрошенные для себя не видят, а часть даже активно

пользуется их услугами, но предпочитают, чтобы приезжие не становились частью местного сообщества. Это характерно и для Москвы и ее предместий, где наплыв мигрантов действительно велик, это характерно и для Мордовии и других регионов, где мигрантов крайне мало.

Таблица 4. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов, имеющих работу в регионах проекта

	Как часто возникает опасение потерять работу?		
	никогда	редко, иногда	часто
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	12,3	17,1	28,8
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	18,6	29,0	38,0
Поддержали бы пикеты против мигрантов	11,6	14,9	24,0
Против интеграции мигрантов	23,8	26,7	22,2
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	44,6	43,5	44,6
[Для справки] Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	8,2	12,0	16,3

Особо значимым фактором миграционных отношений является феномен социальной конкуренции, суть которого состоит не только и даже не столько в фактическом положении персоны на рабочем месте, сколько от ожиданий персоны на этом месте потенциальных для себя выгод или ущерба. Те, кто не испытывает опасений потерять работу, в меньшем количестве отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами и реже намерены поддержать пикеты против мигрантов. Конкуренция, как социально-психологическое явление, действительно во многом определяет мнение опрошенных о мигрантах (и вообще формирует представления о «чужаках», см. нашу книгу «Социальные факторы этнической нетерпимости»¹), однако, как показывает настоящее исследование, не всегда является ведущим.

В усредненном портрете респондента, выступающего за и против миграционной интеграции, социально-демографические и экономические характеристики, конечно, играют существенную роль. Но и те персональные характеристики, которые связаны с публичной идентичностью, также крайне важны, и, что особенно примечательно, в среде общественных отношений такие характеристики оказывают устойчивое влияние на конфликтную и бесконфликтную мотивацию личности. Респондент, наиболее резко выступающий против интеграции мигрантов и против восприятия их культурных черт, чаще имеет среднее образование, испытывает материальные затруднения, а в качестве приоритетной формы публичной идентичности указывает этническую принадлежность. Но и другие категории респондентов, например, в зависимости от возраста, положения в занятости и иных характеристик, могут выступать против миграционной интеграции. При этом характер публичной идентичности в их среде также имеет существенное значение.

Таблица 5. Обобщенный портрет «респондента», выступающего за и против миграционной интеграции в регионах проекта

	Отношение к идее интеграции мигрантов в местном сообществе		Отношение к принятию местными жителями элементов культуры мигрантов	
	Против	За	Против	За

¹ Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В.В., Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 2014.

Возраст респондентов				
- молодежь 18-29 лет	17,5	21,9	16,3	25,0
- средний возраст 30-59 лет	53,8	51,7	56,8	52,0
- старший возраст 60 лет и более	28,7	26,5	26,9	23,0
Уровень образования (заявленный респондентом)				
- начальное, неполное среднее	0,4	1,1	1,6	1,1
- среднее, начальное или среднее специальное	47,5	39,7	44,0	35,6
- высшее и неполное высшее	52,1	59,1	54,5	63,3
Материальное положение (самооценка)				
- хорошее и нормальное	55,6	61,9	56,2	64,6
- затруднительное и тяжелое	39,1	33,1	39,5	31,6
Опасение потерять работу				
- нет	14,7	24,7	23,3	24,3
- редко, иногда	27,1	28,8	28,5	31,2
- часто	11,8	10,5	12,4	11,5
Приоритет идентичности в публичной сфере:				
- гражданская идентичность	77,4	80,1	76,0	80,1
- этническая идентичность	20,0	14,9	21,7	15,9

Полученные в рамках проекта сходные результаты массовых опросов населения в самых разных регионах страны подтверждают наш вывод о том, что миграционные отношения в современной России в значительной мере складываются под влиянием культурных стереотипов, а не только и даже не столько из-за причин социально-экономического характера.

Общим и важнейшим выводом исследования является тезис о том, что для преодоления опасности миграционных конфликтов в российских регионах, и в принципе для предупреждения конфликтов на почве культурных различий, необходимо не подавлять этническую идентичность, а содействовать этнокультурному развитию населения в целях естественного формирования гражданского согласия и единства.